

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 183–192.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 183–192.

Научная статья
УДК 141.5
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.022

СВОБОДА КАК БЫТИЙНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ФИЛОСОФИИ М. К. МАМАРДАШВИЛИ

Карацук Маргарита Николаевна

Институт философии РАН, г. Москва, Россия
nikolaevna44.margarita@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи определяется потребностью в переосмыслении свободы – универсальной характеристики человеческого бытия в условиях современности, предлагающих мифологемы в качестве суррогатов подлинной жизни человека. Цель статьи заключается в реконструкции философского концепта бытийно-личностного эксперимента М. К. Мамардашвили и обосновании того, каким образом он препятствует или способствует достижению личностью того или иного модуса свободы. Задачи статьи: сформулировать знаковые черты бытийно-личностного эксперимента и очертить сферу его реализации, уточнить его значение в процессе формирования личности, определить важность дихотомии между экзистенциальным выбором и метафизическим решением в контексте обсуждаемого концепта. Интерпретация философского концепта М. К. Мамардашвили проводится посредством применения герменевтической рефлексии как ключевого методологического подхода в исследовании. Источниками исследования послужили как материалы лекционных курсов мыслителя: «Психологическая топология пути», «Лекции по античной философии», так и его опубликованные труды («Стрела познания», «Классический и неклассический идеалы рациональности»). Статья имеет шестичастную структуру. В первой части раскрывается феномен бытийно-личностного эксперимента, выявляются особенности его «проведения». Во второй, третьей и четвертой частях последовательно излагаются представления М. К. Мамардашвили о свободе бытия, свободе в мысли и свободе полного Я, обуславливающих друг друга и взаимосвязанных между собой. Пятая часть статьи посвящена личности, формирующейся в рамках «проведения» бытийно-личностного эксперимента, ее отличительным особенностям и специфическим характеристикам. В результате такого эксперимента формируется новый тип личности, называемый М. К. Мамардашвили, человеком, обладающим «героическим сознанием» и «классической душой», приметы которого также представлены в пятой и заключительной частях статьи. В шестой части статьи приводится рассуждение о значимости экзистенциального выбора и метафизического решения в вопросе самоопределения человека, ориентированного на открытие подлинной свободы собственного существования.

Ключевые слова: бытийно-личностный эксперимент, бытие, личность, сознание, когнитальное сознание, свобода, Я, экзистенциальный выбор, метафизическое решение, самобытийная вещь

Для цитирования: Карацук М. Н. Свобода как бытийно-личностный эксперимент в философии М. К. Мамардашвили // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 183–192. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.022>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

FREEDOM AS A BEING-PERSONAL EXPERIMENT IN THE PHILOSOPHY OF M. K. MAMARDASHVILI

Margarita N. Karashchuk

Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia
nikolaevna44.margarita@gmail.com

Abstract. The relevance of the article is determined by the need to rethink freedom – a universal characteristic of human existence in the conditions of modernity, which offer mythologemes as surrogates for authentic human life. The aim of the article is to reconstruct M. K. Mamardashvili's philosophical concept of being-personal experiment and to substantiate the way in which it prevents or promotes the achievement by the individual of this or that modus of freedom. Objectives of the article: to formulate the sign features of the existential-personal experiment and outline the scope of its realisation, to clarify its significance in the process of personality formation, to determine the importance of the

dichotomy between existential choice and metaphysical decision in the context of the concept under discussion. The interpretation of M. K. Mamardashvili's philosophical concept is carried out through the application of hermeneutic reflection as the key methodological approach in the research. The sources of the study were the materials of the thinker's lecture courses, such as "Psychological Topology of the Way", "Lectures on Ancient Philosophy", as well as his published works ("The Arrow of Knowledge", "Classical and Nonclassical Ideals of Rationality"). The article has a six-part structure. The first part reveals the phenomenon of being-personal experiment, reveals the peculiarities of its 'carrying out'. In the second, third and fourth parts, M. K. Mamardashvili's ideas about freedom of being, freedom in thought and freedom of the full 'I', which condition each other and are interrelated, are presented in sequence. The fifth part of the article is devoted to the personality formed within the framework of 'conducting' the being-personal experiment, its distinctive features and specific characteristics. As a result of such an experiment, a new type of personality is formed, called by M. K. Mamardashvili, a person possessing a 'heroic consciousness' and a 'classical soul', the hallmarks of which are also presented in the fifth and final part of the article. The sixth part of the article discusses the significance of existential choice and metaphysical decision in the issue of human self-determination oriented towards the discovery of true freedom of one's own existence.

Keywords: being-personal experiment, being, personality, consciousness, cogitative consciousness, freedom, self, existential choice, metaphysical decision, self-existential thing

For citation: Karashchuk M. N. Freedom as a being-personal experiment in the philosophy of M. K. Mamardashvili. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 183–192. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.022> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Бытийно-личностный эксперимент как феномен

В цикле лекций «Введение в философию», прочитанном М. К. Мамардашвили для студентов ВГИКА в 1980 г., встречается первое упоминание о бытийно-личностном эксперименте. В данном случае имеет смысл понимать слово «эксперимент» в контексте уникального опыта человека, пережитого им на особых основаниях, а не с точки зрения процедуры, предназначенной для подтверждения или опровержения определенной теории. Осуществляется такой эксперимент сознательно человеком, желающим познать механизм собственного мышления, разобраться в том, какие паттерны поведения и реакций приобщают его к существованию, какие – к жизни, а какие – к бытию. Для М. К. Мамардашвили эти проекции понимания существенно отличаются. Целью получения этого неповторимого опыта является раскрытие модуса свободы: «...с одной стороны, философия и есть некоторый бытийно-личностный эксперимент, продуктом которого является некий облик, называемый нами личностью, с другой стороны, продуктом этого же эксперимента является картина мира» [1, с. 401].

Другим результатом проведения бытийно-личностного эксперимента становится личность, способная к формированию собственной картины мира. Как должен быть «поставлен» бытийно-личностный эксперимент, чтобы можно было добиться его целей? Он должен быть проведен таким образом, чтобы «...в пространстве души, сознания, высвобождалось место, через которое проявились бы вещи, называемые бытием, т. е. такие, которые сам человек сделать не сможет – должно сделаться» [1, с. 346]. Обретение бытия личностью – перспектива, открывающаяся перед человеком с развитым философским сознанием, отображение же бытия – перспектива, которая определяется им в пространстве культуры, поскольку только в ней «...создаются произведения, которые есть “ходячий” образ синтезов последующей сознательной жизни» [1, с. 344].

В ходе «проведения» бытийно-личностного эксперимента утверждается особый тип личности, «приметы» которого раскрываются философом. Шагом, предваряющим обретение человеком подобного рода облика, является осуществленный им экзистенциальный выбор или принятое им метафизическое решение. В зависимости от того, на что в действительности будет способен человек и что он реализует, перед ним открывается проекция свободы, посредством которой существование его самого, впрочем, как и восприятие им мира, претерпевает значительные изменения.

Основная часть

Перед тем, как мы перейдем к рассмотрению особенностей «проведения» бытийно-личностного эксперимента, рассмотрим его возможные результаты в виде модусов свободы, открывающихся перед человеком.

В своих работах М. К. Мамардашвили определяет свободу многообразно. Он выявляет различные модусы свободы на уровнях бытия, сознания и творчества, взятых в их взаимовлиянии друг на друга. Все эти уровни актуализируются в ходе «проведения» бытийно-личностного эксперимента и составляют особую фигуру: «...круг треуголен: бытие – мысль – “Я” (закон – свобода – личность)» [2, с. 291]. Раскроем суть этой актуализации, явленной в сложной взаимосвязи ее значимых элементов.

Свобода бытия

М. К. Мамардашвили называет бытием нечто, являющимся из самого себя, т. е. бытие самоосновно. К упомянутым явлениям традиционно относят истину, добро, красоту, мысль – мировые гармонии, существование которых ничем не гарантировано в мире, однако к числу известных гармоний он добавляет еще и личность. Развитая личность неким образом тождественна идее личности и в лучшем случае представляет собой ее воплощенный прообраз: «...идея, или форма <...> есть нечто онтологическое, т. е. не отвлеченное, совершающееся в нашей голове, а нечто обладающее чертами бытия и существования» [6, с. 148–149].

Бытие человека, причастного идее, – это его гармоничное самоустройство, устремленное к сверхприродной перспективе, в то время как его существование основано на природном начале. Последнее нуждается в особой организации, доступной только лишь свободной мысли. Такую мысль Мамардашвили называет «законопорожденной». Мысль, обладающая столь знаковой характеристикой, антиномична по своей сути, поскольку одновременно «держит мысль и время». Она организует существование человека таким образом, что он становится способным «...дать самому себе закон действия» [3, с. 239]. Этот закон действия применяется человеком с учетом его сложного устройства, включающего в себе вещественное, эмпирическое и натуральное начала, присущие его существованию априори.

Размышляя о том, каким образом модус свободы раскрывается для человека на уровне бытия, М. К. Мамардашвили говорит об особом видении мира, которое он называет «эпифаническим». Это видение вносит коррективы в восприятие времени и пространства и задает вектор новизны, благодаря которому осуществляется «...заход из надприродного ряда: выскочив из времени мы можем локализоваться так, чтобы в содержании был извлечен порядок “впервые”, “однажды”» [10, с. 236]. Иными словами, перед научившимся так видеть человеком, предстает неустанно возрождающийся «ближущий» мир.

Этот мир имеет схожие с чертами, который явлен у Парменида («собеседника» М. К. Мамардашвили в своих лекциях) в поэме «О природе». Структуру такого мира составляет «единое-и-сущее» и чувственная реальность. Последняя представлена как нечто неупорядоченное, непрестанно движущееся, распознаваемое по «...мнениям смертных, в которых нет достоверности точной» [12, с. 280]. «Единое-и-сущее», по Пармениду, являет собой умопостигаемую реальность или «...нечто, подобное себе, не поддающееся дифференциации, непогрешимое сердце убеждающей истины» [12, с. 281]. Иными словами, мир, раскрытый в «едином-и-сущем», известен и нов, в нем «проступает» единое в форме крайних пределов и одновременного существования всего [12, с. 292].

Подводя небольшой итог вышесказанному, отметим, что свобода на уровне бытия различима в своих эманациях в качестве самоосновных явлений (истины, добра, красоты, личности) и раскрывается посредством эпифанического видения.

Свобода в мысли

М. К. Мамардашвили убежден в том, что «сущностью феномена сознания является свобода» [3, с. 75]. Развитое философское сознание само по себе освобождает человека от пут обусловленности, навязанных другими людьми, миром и собственными представлениями о нем. Обратная сторона сознания – страсть, именно об этой его ипостаси размышляет философ на страницах книги «Как я понимаю философию». При чем страсть как поглощенность интересующим предметом или явлением, но не доходящую до самозабвения. Страсть как эквивалент полного присутствия, в котором собственные эмоции и реакции не довлеют над человеком, но помогают разъяснить ему нечто важное про него самого. Иллюстрируя эту сторону сознания, Мамардашвили избирает интересный образ: «...это не меняющий направления “прямой отрезок” от точки в душе» [3, с. 200]. Понятая страсть – прямой доступ к озарению относительно себя и своей ситуации. Именно она кладется в основу континуума «бытие-сознание», о котором неоднократно в своих трудах упоминает мыслитель. Сознание (как освобождающая страсть) постоянно изменяет позицию человека как по отношению к себе самому, так и по отношению к миру, обеспечивая ему живое участие в нем.

Становясь сознательным, человек постепенно приходит к пониманию задачи особого рода: «...ты еще должен оказаться в этой точке, которая находится на равном расстоянии от центра, т. е. ты должен оказаться в центре божественного взгляда» [5, с. 41]. В этой точке нет привычных притяжений и отталкиваний, достоинств и недостатков. В ней страсть парадоксальным образом оборачивается бесстрастностью, обуславливая свободное движение человека.

Кроме того, именно отсюда человек в состоянии «...вывести на поверхность жизни судьбу как пройденный реально пережитый путь» [8, с. 644]. В противном случае же случае, по мнению Мамардашвили, впечатления, даруемые жизнью, не будучи оформлены в нашем сознании, скрываются из нашего поля зрения, «откладываются» в бессознательном и подспудно руководят нашими решениями, становясь нашей судьбой. Тогда судьба приобретает характер рока, в то время как, она «прочитанная» нами с позиции «божественного взгляда» приобретает иные коннотации, позволяя осознать не только разрушительно-ограничивающие свои проявления, но и вдохновляюще-созидательные. Важность осознания собственной судьбы для М. К. Мамардашвили первостепенна еще и потому, что от этого зависит существование каждого человека в глобальном смысле этого слова: «Я знаю, что быть человеком – значит быть человеком судьбы» [2, с. 49]. Философ убежден в том, что только в этом случае человек может жить своей жизнью и умирать своей смертью, что в действительности представляет собой редкое, едва ли не экзотичное явление. Зачастую человек проживает судьбу, навязанную ему извне бесконечным сцеплением причин и следствий.

В этой таинственной точке «божественного взгляда» сознание становится когитальным, т. е. «способным стать в точку творения вещи». Важность этого подчеркивается самим философом: «...ибо перед лицом “рождающего” мы несвободны» [2, с. 265], следовательно, удерживаясь в положении самого этого “рождающего”, мы открываем для себя новые горизонты. Становясь в эту позицию, человек обзрывает объемно те события и явления, которые он не мог увидеть по причине собственной предвзятости. Объемно обзреть значимое для себя человек может только после того, как его представления о себе и других станут ясными и отчетливыми. Критерии этого представлены у Декарта, на работы которого М. К. Мамардашвили часто ссылается в своих рассуждениях: «Ясным я называю представление, если оно наличествует перед внимательным духом и открыто ему, подобно тому, как говорится, что мы видим ясно, если объект присутствует перед созерцающим глазом...; отчетливым же я называю представление, которое ясно и вместе с тем так определенно отличается от всех других, что оно в своей особенности очевидно для правильного рассмотрения» [15, с. 350].

Когитальное, т. е. абсолютно индивидуализированное, сознание предшествует осуществлению свободного действия, суть которого – в его «монодичности». Такое действие одновременно реактивно и проактивно. В своей своевременности и уместности оно уникально, самоценно и неповторимо.

Свобода полного Я

М. К. Мамардашвили приравнивает акты сознания или интерпретации, понимания к актам освобождения, актам рождения полного Я. Основное здесь – умение осознавать происходящее в контексте только моей собственной истории, только моего личного бытия. Осознавать так, чтобы в мысли, реакции, поступке проступали «двойные борозды» – жизни и смерти, т. е., чтобы все человеческие проявления носили характер тотальности, не оставляли места для проявленного или скрытого влияния извне, были исполнены до конца.

Таким образом на уровне сознания свобода заявляет о себе страстным сознанием, позволяющим человеку занимать позицию творца собственной жизни, поступающего лично не только в видимых другим проявлениях, но также в интенциях и мыслях.

Эпифаническое зрение, о котором упоминалось ранее, открывающееся вследствие развития сознания, – не единственный способ видения, приводящий человека к открытию модуса свободы. Еще одним «актом зрения», обладающим подобным «расширяющим» свойством, Мамардашвили называет художественный акт. Под ним он понимает преимущественно «...построение текста как орудие преобразования себя, орудия свободы» [7, с. 252]. В чем особенность данного преобразования себя? Мамардашвили объясняет это так, что с помощью продуктивного воображения, являющегося фундаментом художественных актов как творчества, так и мысли, происходит «уплотнение» времени. За счет этого процесса, преобразующего привычный пространственно-временной континуум, человек начинает переживать реальность в контексте условий совпадения смысла и творчества, заданных им самим по своим правилам.

Выраженная мысль о раскрепощающем влиянии творчества перекликается с мыслью Декарта о трех орудиях познания: интеллекте, воображении и чувстве [15, с. 108]. Все эти орудия целокупно доступны человеку, творчески осмысляющему действительность.

Продолжим наше рассуждение. Построение текста, выраженное в материальной и сознательной форме (в качестве «дискурса страстной встречи с самим собой» [8, с. 503] задается еще одной целью – расшифровать впечатления, иными словами – «...реализовать силы своей души» [8, с. 876–877]. Причем Мамардашвили называет душу не вместителем эмоций, чувств и побуждений, а «отверстием», через которое в полной мере или только лишь частично осуществляется контакт с миром. В полной мере он осуществляется тогда, когда решения человека оборачиваются «...точностью, гарантированной свободой» [8, с. 377]. Частичное же его осуществление

распознается по череде ситуаций, дублирующих друг друга, в которых человек внешне оказывается в совершенно новых обстоятельствах, а внутренне – он поставлен перед решением подозрительно знакомых вопросов, на которые он склонен давать привычные негибкие ответы.

Акты сознания, аналогично актам художественной интерпретации событий, происходящих в жизни, приводят, как уже было сказано ранее, к рождению полного Я. По Мамардашвили полный, или тотальный человек отличается от любого другого своей способностью практиковать максимальное количество отношений. Как можно расшифровать это изречение? Возможно, здесь идет речь о способности человека быть свободным от предубеждений в выборе собеседника или же речь идет о свободе эмоционально-волевой установки человека, которая может придавать любым отношениям особую свежесть, лишённую привычных словесных и чувственных реакций на происходящее.

Кроме характеристики, связанной с взаимодействием свободного человека с другими, Мамардашвили даёт ещё одну его отличительную черту, даёт её в форме напутственного предупреждения: «...пока не расцеплены нрав и мотив, человек не свободен» [6, с. 142–143]. Этой мыслью он обозначает проблему человека, отрицательно зависимого от своих решений. Данная зависимость выражена в том, что личность нередко допускает ошибки, ввергая себя в череду ситуативных повторений. Все это происходит по причине автоматических эмоциональных реакций, не просветлённых сознанием. По причине того, что зачастую человек склонен реагировать с большим опозданием, не там и не тогда, когда он застигнут врасплох случившимся. Он оказывается сознательно далек от происходящего, «застревая» в проекциях пространства и времени, однажды поразивших его сердце и не находит «пути» в настоящее. В такие моменты человеку трудно «...полностью произвести себя, а не сложиться во времени» [10, с. 255].

Как «расцепить» нрав и мотив? Ответ на этот вопрос находим у Декарта. В одной из своих работ он ссылается на особую роль впечатлений, к которым имеет смысл обращаться, в поисках желаемой свободы: «Воспринятое впечатление в силу психической деятельности превращается в представление и мотив» [15, с. 424]. Представленная мысль нашла свое продолжение у М. К. Мамардашвили в цикле лекций «Психологическая топология пути».

Вернемся к ранее сказанному. «Складываясь во времени», мы приобретаем свойства и качества характера, по которым становимся узнаваемыми сами для себя, но одновременно эти же свойства и качества «сковывают» нашу волю, приводят к тому, что мы не живём в настоящем, а стыдливо, боязливо или же с упоением «допроживаем» прошлое. Подлинное же настоящее Мамардашвили называет «вечным», приметой его является состояние «...когда я не сплю и нахожусь внутри того, что длится вечно» [5, с. 537]. Бодрствующее же состояние отличается тем, что человек соблюдает два условия необходимости, предъявляемых ему мирозданием, накануне обретения им свободы – он сознаёт и чувствует одновременно в особом, топологически неопределимом месте: «...чтобы прийти к пониманию того, что происходит на деле, нужно пройти через нулевую точку. И в ту реальность, которая откроется после нулевой точки, мы должны ввести измерение сердца. Поскольку побеждает тот, у кого сердце сильнее» [5, с. 431].

Осмысливая тайну существа человека, тайну пребывания им в «нулевой точке», М. К. Мамардашвили приходит к выводу о том, что «...сначала человек без свойств, тогда может быть будет человек, который свободен» [8, с. 147]. Обыденное сознание не вполне отдаёт себе отчет в достижимости сказанного, однако тут ему на помощь приходит философское сознание, способствующее тому, что человек обращаясь в памяти к событиям своей жизни, стремится к обретению бесстрастного положения, в котором он сам становится прародителем происходящего, скрытым, но могущественным инициатором действия даже там и тогда, когда это трудно принять.

Ради чего человеку становиться свободным? М. К. Мамардашвили даёт два ответа на поставленный вопрос. Свободный человек обладает способностью к различению, избегающей привычных смыслообразующих дихотомий. Утвержденная способность позволяет человеку устанавливать «...различие между содержанием спектакля наблюдения, спектакля, развертывающегося перед “Я” и самого себя, наблюдающего этот спектакль» [4, с. 50–51]. В отсутствии искажений свободный человек «держит» все эти три проекции в своих руках. Первая проекция может быть искажена переигрыванием «актеров» спектакля, вторая – нашими собственными свойствами и качествами, а третья – нашим неосознаваемым отсутствием и «витанием» в более значимом для нас времени и пространстве. Ещё одно достоинство свободного состояния человека – его реализованное право на самоосуществление. М. К. Мамардашвили феномен самоосуществления связывает с бытием культурного явления, говоря о том, что «...самоосуществиться – отразиться в символическом пространстве-времени» [10, с. 111–112]. На каких условиях пространство-время становится символическим? На условиях «...осуществления свободного действия, основания которого должны быть бесконечными» [10, с. 70].

Различительная способность особого толка, равно как и способность к осуществлению свободного действия, – прерогатива особого типа личности, формирующегося в рамках бытийно-личностного эксперимента. Взаимосвязь между существованием и бытием, объединяющая человека с идеей (в идеальном смысле слова) у такого типа личности реализуется следующим образом: он проживает собственную жизнь на уровне существования, на уровне бытия – он преобразует её в метафорически-символическую утопию формы личного мифа.

Лицо, личность, «самобытийная вещь», неразложимый лик

Какими же отличительными признаками обладает человек, принимающий некий облик, называемый личностью? Какие сущностные характеристики отличают его среди других людей, его, обладающего умением формировать собственную картину мира?

Имеет смысл обратиться к феномену бытийно-личностного эксперимента и вспомнить, что подобного рода изменения могут произойти с человеком посредством его культурного становления. На наш взгляд, в интересах более подробного исследования заявленной темы, следует обратиться еще к одному определению бытийно-личностного эксперимента, данному М. К. Мамардашвили. В нем указанный феномен рассматривается в качестве создания условий, благодаря которым бытие формирует личность, а личность, в свою очередь «...реконструирует себя в у-топосе (несуществующем месте) как проводника бытия, чтобы оно сказалось» [9, с. 106].

Бытие в данном случае рассматривается исключительно в человекообразной проекции. Благодаря тому, что человек оказывается особым образом на него «настроен», он обретает дар формирования собственной картины мира, одновременно с этим получает некий облик, называемый личностью (особую формацию этого облика М. К. Мамардашвили называет человеком, обладающим героическим сознанием и классической душой, способным на действительный акт думания, в котором человек испытывает собственную судьбу в отсутствие искажений, диктуемых нравом, мотивом и внешними обстоятельствами).

Какой способ «настройки» на бытие, обеспечивающий человеку создание собственной картины мира, предлагает М. К. Мамардашвили? Размышляя на эту тему, философ выявляет особый элемент конституции человеческого бытия, называемый им «утопическим». Это слово в трудах философа употребляется в разных смыслах, в соответствии с которыми и пишется оно по-разному: в то время, когда речь идет о психологической соотнесенности человека с тем или иным пространством, тогда оно пишется слитно, если же философ имеет в виду соотнесенность человеческого сознания с тем или иным пространством – оно пишется через дефис. После того, как человек психологически и сознательно сможет «расположиться» в пространстве, он получает шанс временного самоопределения. Философ намекает на то, что самостоятельно «расположиться» правильным образом – едва ли получится, необходимо приблечь к «умному телу», или «телу соразмерности». Под таким телом Мамардашвили понимает «...предметы в особом смысле слова как наглядное расположение понимания (например, община или единение людей в символах тела Христова и жизни Христа)» [6, с. 117]. Как можно это понимать? На наш взгляд понимать это следует как приобщение к ожившему символу, питаемому по словам Мамардашвили «эфиром божественной жизни».

В этих метафизических обстоятельствах человек познает бытие, в котором «...он останавливается и раз и навсегда нечто делает» [6, с. 48]. Только обретая тотальность поступка, человек может на какой-то миг почувствовать себя живым. Эту тотальность поступка, по Мамардашвили, следует длить настолько, насколько это возможно, чтобы обеспечить себе непрерывное участие в бытии. Это дление никоим образом не измеряется привычными временными категориями, оно измеряется мерой собственного усилия.

Способный к такому рода длению человек перестает быть тем, кем он был прежде. О таком человеке уже следует говорить, что он родился «вторым рождением» не в физическом теле, а в теле существа духовного. В этот момент вспоминаются слова философа о некоем облике, называемом личностью. Человек, принимающий этот облик, принадлежит бытию, поскольку он «откладывается из него». Философ называет такого человека то лицом, то личностью, то «самобытийной вещью». Каждая из этих номинаций обнаруживает то особенное свойство, которое приобретает человек: будучи лицом он становится видимым (для себя и для других) членом общества, ответственным за все, что происходит не только вокруг него, но и в мире; будучи личностью, осознает свою сопричастность «неизвестной родине», от имени которой он творит, будучи «самобытийной вещью» – выражает подлинное бытие на собственных основаниях.

Дополнительные штрихи к такому лицу, такой личности или «самобытийной вещи» можно найти у Паскаля – философа, представляющего для М. К. Мамардашвили особый интерес. В одном из своих писем он обращается к теме преображения человека и размышляет о том, что: «...разум нельзя заставить верить тому, что он считает ложным, а волю – любить то, что заведомо несет ей несчастье; следовательно, эти две силы свободны и через них мы можем достичь совершенства» [14, с. 368].

Размышление о бытии М. К. Мамардашвили постепенно из человекообразной проекции устремляются в проекцию духовную: «Бытие – нечто индивидуально (оно) есть далее неразложимый лик» [6, с. 205]. Снова речь идет об ожившем символе, только явленном не в форме определенного сообщества или общины, а в форме конкретного человеческого существа, образ которого знаменует иную, нездешнюю глубину.

Экзистенциальный выбор индивида или метафизическое решение личности

Бытийно-личностный эксперимент, по мысли М. К. Мамардашвили, осуществляется в целях достижения свободы. Какие еще интенции мыслитель может вкладывать в этот феномен? Свобода для философа – это также и достижение чего-то нового (действия ли, проявления ли,

самовыражения ли). Для М. К. Мамардашвили новое – аналог самостоятельного, наиболее значимые образцы которого находимы в сфере философии и культуры.

Свобода мысли и свобода самовыражения обусловлены развитостью сознания. Примечательно, что в своих работах М. К. Мамардашвили приводит еще одну интерпретацию понятий «индивида» и «личности», взятых с точки зрения псевдоструктур сознания, а не привычных нам психологических образований.

Развитие этих псевдоструктур сознания обусловлено тем, на что решается человек в условиях бытийно-личностного эксперимента: на экзистенциальный выбор или метафизическое решение. Первый трансформирует человека в индивида, а второе – преобразует его в личность.

Бытийно-личностный эксперимент – это, иными словами, попытка «прочтения» собственной жизни сквозь философско-культурную «призму». Обобщая вышесказанное, отметим, что эта призма М. К. Мамардашвили обозначена треугольным кругом, грани которого: бытие (закон) – мысль (свобода) – Я (личность). Для того, чтобы эпифаническое видение, о сути которого говорилось ранее, проявилось, необходимо, чтобы человек преобразился в личность, способную посредством символа или метафоры так помыслить события своего существования, чтобы они сначала стали событиями жизни, а уже потом – судьбы, в которой отражается бытие. Таким образом, открытие эпифанического видения и способность к личностному росту, в сущности, обуславливают друг друга.

Каким образом человек преобразается в личность? Кем становится он в случае неудачи? Совершая экзистенциальный выбор, он может трансформироваться в индивида, а принимая метафизическое решение – преобразиться в личность, частной формацией которой, по М. К. Мамардашвили, является человек, наделенный героическим сознанием и классической душой.

Прежде всего следует определить, какие смыслы вкладывает М. К. Мамардашвили в феномен экзистенциального выбора и метафизического решения. Экзистенциальный выбор непосредственным образом связан с нашим существованием, т. е. с тем, что в нас так или иначе им определено (эмоциональные и психические реакции, поведение, отношение к членам семьи, нации и родине). Речь идет о том, что в нас не является нашим по существу, а, скорее, относится к достоянию того общества, в котором мы рождены и существуем. Об этом М. К. Мамардашвили говорит следующим образом: «...причина выбора или адекватности восприятия – вне предмета, но в том пространстве и времени, которое сложилось и породилось самой проблемой жизни – т. е. страстным движением, нашим прорастанием в мир» [5, с. 470–471]. Получается выбором его можно назвать условно, поскольку в нем человек не участвует в полной мере, он, скорее, претерпевает последствия чего-то, задуманного за него. Он выбирает только лишь не сопротивляться заданному темпераменту, значимым отношениям, диктату положения, занимаемому им в обществе. Единственный шанс на перемену этих условий – воспринять происходящее не привычным образом, а попытаться увидеть в нем иные, не предопределенные ситуацией рождения, возможности для собственной реализации. Важно при этом суметь правильно к ним отнестись, чтобы не пасть жертвой заблуждения: «...выбор из бесконечного числа возможностей – не есть в строгом смысле выбор, а произвол – в смысле создания нового, другой ситуации, творчества» [11, с. 328]. По словам М. К. Мамардашвили именно акт воображения позволяет нам приостановить бесконечную последовательность выборов, т. е. последовательность, из которой не извлекается смысл.

Человек, творчески осмысляющий собственный выбор, постепенно становится индивидом и приобретает особый шарм: «...индивид – это одновременно шарм. То, для чего нет никакого априори и что мы никогда не можем представить» [5, с. 525]. М. К. Мамардашвили подбирает разные определения, характеризую индивида: лживое Я, получившее впечатление, идеологическая конструкция, спиритуальная статуя. Почему говоря об индивиде, М. К. Мамардашвили подчеркивает его преимущественно неодобрительные коннотации? Все дело в образе мысли индивида. Мысль индивида, не сопряжена с убеждениями и верой, открывающими измерение бытия, она эфемерна: «...эфемерная мысль и есть мысль фетишистская, мысль перечислительных признаков мира, каковым (перечислением) можно владеть» [5, с. 385]. Это владение обуславливается эмоционально-чувственной предвзятостью, возрастающей в геометрической прогрессии у тех, кто осознает лишь себя безграничным творцом своей жизни. Единственным достижением в развитии индивида становится обретение им собственного стиля, становящегося его новой визитной карточкой: «...если есть выбор, то он всегда плохой, а стиль есть то, в чем нет выбора» [5, с. 406].

Метафизическое решение принимается уже не индивидом, а личностью. Фундаментальным основанием такого решения является факт различения добра и зла. В основе метафизического решения лежит волевое усилие, «переплавляющееся» в трансцендирующее усилие, которое «...и есть огонь бытия, кто завоевал себе право и свободу самому понимать свое дело, возникающее по своим собственным законам» [3, с. 373]. Подобного рода решение, по М. К. Мамардашвили, принимается не в привычном нам пространственно-временном континууме: «...его время иная размерность ритму протекания наших актуальных психических реакций, прикладок, расчетов, взвешиваний, рассуждений, волевых состояний, направленных на проявление

наших нравственных или психологических качеств» [5, с. 254]. Снова здесь речь идет об у-то-посе как особом измерении бытия.

Посредством принятия метафизического решения человек преобразуется в личность, которой открывается доступ к глубинному Я, которая заявляет о себе присутствием, именуемом «состоянием формы и способом бытия» [1, с. 404]. «Мы личности, тогда, когда <...> являемся стороной монады, ее сущность индивидуирует нас и находится с нами в сложном структурном единстве, а это и есть дать подействовать через себя другим, большим силам» [10, с. 63]. Следовательно, по М. К. Мамардашвили, личность – это особое структурное монадичное единство. В отличие от индивида личность уже не занимается существованием, она занимается жизнью и бытием.

Одновременно жизнью и бытием, по мысли М. К. Мамардашвили, занимается личность, обладающая героическим сознанием и классической душой. Отличается такая личность ярко выраженной «...способностью видеть рядом с собой нечто совсем иное и противоположное, скажем, видеть, беду, нищету, глупость и быть способным удерживать это в своей душе так, чтобы оно не входило искажением в мысль» [1, с. 182]. Эта цитата примечательна скрытой отсылкой к индивиду. В то время, как он позволяет «наводнить» свою душу впечатлениями, превратив свои идеи в их прообразы, оформив их в соответствии с той или той творческой расположенностью, которой он обладает, личность позволяет душе наполняться впечатлениями, но не допускает того, чтобы они искажали мысль. Еще один способ правильного «обращения» с впечатлениями – последствиями страстей, «подсказывает» Паскаль: «Необходимо только пользоваться страстями, как рабами, и, давая им пищу, препятствовать душе отведывать ее, потому что страсти, беря верх, делают пороками и тогда дают свою пищу душе; душа же, питаясь ею, отравляется» [13, с. 171]. Иными словами, личности следует отводить каждому впечатлению, равно как и каждой страсти свое место в душе, преобразуя их в целостную саморазвивающуюся духовную систему.

Качество личности, имеющей душу, «равную тому миру, какой есть» [5, с. 533], М. К. Мамардашвили называет великодушием. Именно отведение место всему, во что ты вовлечен, в собственной душе приводит к тому, что человек начинает видеть все так, как оно есть в действительности. Великодушная личность больше не думает, но совершает «...акт думания, становящийся частью испытания его судьбы» [11, с. 409]. Снова замыкается круг и личность оказывается лицом к лицу со своей судьбой. Как, по М. К. Мамардашвили, следует себя вести тогда, когда человек находится на линиях приближения к судьбе или отдаления от нее? Мыслитель убежден, что в такие моменты следует проявлять «...мужество невозможного» – волю и верность судьбе, своей «планиде» ... а «планида» – мастеровой труд, в себе исчерпывающееся достоинство ремесла» [3, с. 199–200]. Под мастеровым трудом, по нашему мнению, следует понимать неустанность приложения усилий в вопросе осознания происходящего. Обладатель героического сознания и классической души, по мере собственного развития, открывает в себе понимающее и неподвижное глубинное Я, именуемое М. К. Мамардашвили «неопределенным, безразмерным умом». В работе «Символ и сознание» такое Я М. К. Мамардашвили называет «нулевой субъективностью», отмечая, что «...она является хранителем событий в мире» [5, с. 351].

Итак, в трудах М.К. Мамардашвили феномен свободы занимает центральное место. Мы проанализировали разные модусы свободы, связанные с бытием, мышлением и становлением Я.

Выводы

В качестве заключения хотелось бы порассуждать о том, можно ли сознательными действиями достичь пребывания в свободе. Какими должны быть эти действия?

В работе «Стрела познания» М. К. Мамардашвили приводит алгоритм «событийно-бытийного развития», состоящий из трех шагов. На первом шаге человеку следует «накопить следствия, рассматривая симметрии»; на втором – соприкоснуться с первичным хаосом, достигнув точки нулевого высвобождения; на третьем – изобразить монаду. Важно, что в этом алгоритме имеется отсылка к «треугольному кругу» (бытие – закон, мысль – свобода, Я – личность), которую можно распознать следующим образом: становясь личностью человек обретает особую структуру, особую целостность, позволяющую упорядочить хаос мыслей и увидеть «отблеск» бытия в симметриях континуума «бытие-сознание». Думается, что о такой свободе мечтал Мераб Мамардашвили.

Список литературы

1. Мамардашвили, М. К. Введение в философию / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука, 2024. – 480 с.
2. Мамардашвили, М. К. Вечное настоящее / М. К. Мамардашвили. – Москва : Фонд Мераба Мамардашвили, 2025. – 320 с.
3. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – Москва : Прогресс, Культура, 1992. – 411 с.
4. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Москва : Лабиринт, Фонд философских и междисциплинарных исследований им. М. К. Мамардашвили, 1994. – 90 с.

5. Мамардашвили, М. К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути) / М. К. Мамардашвили. – Москва : Ad Marginem, 1995. – 549 с.
6. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии / М. К. Мамардашвили. – Москва : Фонд Мераба Мамардашвили, 2011. – 187 с.
7. Мамардашвили, М. К. Мой опыт нетипичен / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 400 с.
8. Мамардашвили, М. К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. – Москва : АСТ, 2016. – 968 с.
9. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символизме и языке / М. К. Мамардашвили. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
10. Мамардашвили, М. К. Стрела познания / М. К. Мамардашвили. – Москва : Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. – 272 с.
11. Мамардашвили, М. К. Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили. – Москва : Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.
12. Парменид. О природе. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: от эпических космогоний до возникновения атомистики / Парменид. – Москва : Наука, 1989. – 571 с.
13. Паскаль, Б. Мысли о религии / Б. Паскаль ; пер. с фр. С. Долгова. – 2-е изд. – Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1902. – 208 с.
14. Паскаль, Б. Мысли. Малые сочинения. Письма / Б. Паскаль ; пер. с фр., вст. ст. и прим. Ю. Гинзбург. – Москва : АСТ: Астрель, 2011. – 528 с.
15. Фишер, К. Декарт: его жизнь, сочинения и учение / К. Фишер // История новой философии : [в 10 т.] / пер. с нем., доп., исп. и свер. с ориг. изд. В. Р. Рокитянским. – Москва : Академический проект, 2023. – 532 с.

References

1. Mamardashvili, M. K. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. Saint Petersburg: Azbuka; 2024, 480 p.
2. Mamardashvili, M. K. *Vechnoe nastoyashhee* [Eternal Present]. Moscow: Merab Mamardashvili Foundation; 2025, 320 p.
3. Mamardashvili, M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy]. Moscow: Progress, Culture; 1992, 411 p.
4. Mamardashvili, M. K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. Moscow: Labyrinth, M. K. Mamardashvili Foundation for Philosophical and Interdisciplinary Research; 1994, 90 p.
5. Mamardashvili, M. K. *Leksii o Pruste (Psikhologicheskaya topologiya puti)* [Lectures on Proust (Psychological Topology of the Way)]. Moscow: Ad Marginem; 1995, 549 p.
6. Mamardashvili, M. K. *Leksii po antichnoy filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. Moscow: Merab Mamardashvili Foundation; 2011, 187 p.
7. Mamardashvili, M. K. *Moy opyt netipichen* [My experience is atypical]. Saint Petersburg: Azbuka; 2000, 400 p.
8. Mamardashvili, M. K. *Polnyy kurs leksiy. Filosofiya Yevropy. Psikhologicheskaya topologiya puti* [Full course of lectures. Philosophy of Europe. Psychological topology of the path]. Moscow: AST; 2016, 968 p.
9. Mamardashvili, M. K. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]. Moscow: Languages of Russian Culture; 1997, 224 p.
10. Mamardashvili, M. K. *Strela poznaniya* [Arrow of knowledge]. Moscow: Merab Mamardashvili Foundation; 2019, 272 p.
11. Mamardashvili, M. K. *Estetika myshleniya* [The Aesthetics of Thinking]. Moscow: School of Political Research; 2000, 416 p.
12. Parmenides. *O prirode. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast I: ot epicheskikh kosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki* [On Nature. Fragments of the Early Greek Philosophers. Part I: From Epic Cosmogonies to the Emergence of Atomistics]. Moscow: Nauka; 1989, 571 p.
13. Pascal, B. *Mysli o religii* [Thoughts on Religion]. Moscow: Tipography of the I. D. Sytin; 1902, 208 p.
14. Pascal, B. *Mysli. Malye sochineniya. Pisma* [Thoughts. Small works. Letters]. Moscow: AST: Astrel; 2011, 528 p.
15. Fischer, K. *Dekart: ego zhizn, sochineniya i uchenie* [Descartes: his life, writings and doctrine]. *Istoriya novoy filosofii* [History of the new philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proyekt; 2023, 532 p.

Информация об авторе

Караицук М. Н. – соискатель.

Information about the author

Karashchuk M. N. – applicant.

*Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 21.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 21.06.2025; accepted
for publication 30.06.2025.*